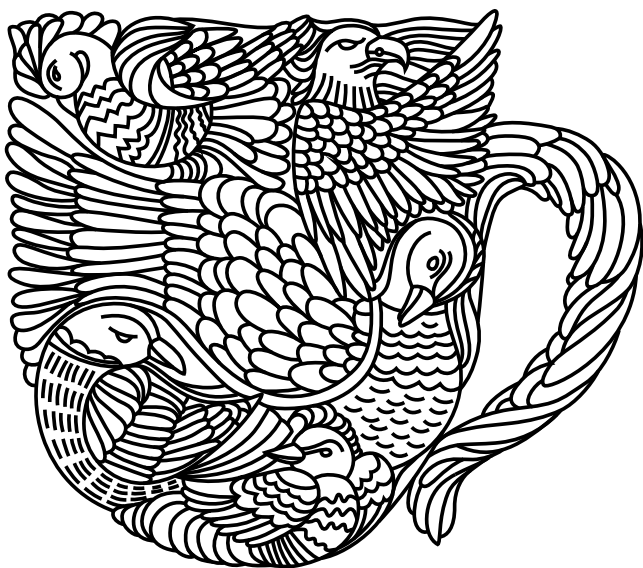

МАГИЯ ЖИЗНИ

Д Ж О А Н Н Х А Р Р И С

Чай с птицами

Москва
2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Х21

Joanne Harris
JIGS & REELS

Copyright © 2004 by Frogspawn Limited

Перевод с английского *Т. Боровиковой*
Художественное оформление *М. Дорошенко*

Харрис, Джоанн.

Х21 Чай с птицами / Джоанн Харрис ; [пер. с англ. Т.П. Боровиковой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-099544-8

«Чай с птицами» — сборник рассказов Джоанн Харрис, автора таких бестселлеров, как «Шоколад», «Темный ангел», «Леденцовые туфельки», «Пять четвертинок апельсина», «Джентльмены и игроки».

Вера и Надежда сбегают из дома престарелых в самый модный обувной магазин Лондона. Ведьминский ковен собирается на двадцатилетие школьного выпуска. А молодая жена пытается буквально следовать рецептам из кулинарной книги своей свекрови — с непредсказуемыми последствиями.

Каждый рассказ здесь — неповторимая и захватывающая история со щепоткой юмора.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-099544-8

© Боровикова Т., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Благодарности

Снова, как всегда, тысячу раз спасибо невоспетым героям, которые помогли довести эти рассказы до публикации.

Моему агенту Серафине Кларк, моему американскому агенту Говарду Морхейму, моему редактору Дженнифер Брель и прочим друзьям в издательстве «Уильям Морроу».

Бри Бэркман, моему киноагенту, Луизе Пейдж и Анн Рив — за то, что не дают мне переступить черту.

Джине Бринкли — за дизайн обложки, Кевину, Анушке, Кристоферу и всем прочим, кто вдохновлял меня и помогал писать, даже когда мне хотелось бросить.

И наконец, сердечное спасибо всем, благодаря кому мои книги стоят на полках, — книгопродавцам, торговым агентам, распространителям — и вам, читатели, до сих пор идущие за мною следом.

Предисловие

Я очень рада, что рассказ после долгой опалы наконец возвращается. Хороший рассказ — а рассказы бывают очень хорошими — остается с тобой намного дольше романа. Рассказ может потрясти, воспламенить, просветить и тронуть так, как более длинному произведению не суждено. Рассказы часто тревожат, пугают или ведут подрывную деятельность в голове. Они ставят вопросы, в то время как большинство романов пытаются лишь дать ответы. Оказывается, из всех прочитанных мною книг я помню ярче всего именно рассказы — живые беспорядочные картины, окна в иные миры, в иных людей.

Некоторые рассказы тревожат меня до сих пор. Мне все еще жаль «Пешехода» Рэя Брэдбери. Я до сих пор плачу над «Розой для Экклезиаста» Роджера Желязны. У меня бегут мурашки по спине, когда я вспоминаю «Мы живем хорошо» Джерома Биксби. И каждый раз, когда я еду в метро, я чувствую совершенно иррациональный трепет — исключительно из-за рассказа «Метро по имени Мёбиус», хотя прочла его в двенадцать лет и даже не помню, кто автор¹.

¹ Имеется в виду рассказ А. Дж. Дейча «A Subway Named Moebius» (1958), в русском переводе — «Лист Мёбиуса». (Здесь и далее примеч. перев.)

Лично у меня рассказы всегда пишутся трудно и медленно. Вместить мысль в такой маленький объем, выдержать пропорции, найти нужный тон — все это трудно, порой до отчаяния. Четыре-пять тысяч слов, которые легко написать за день как часть романа, в виде рассказа могут отнять две недели. Как домашнее вино моего дедушки, любой мой рассказ — эксперимент. Успех никогда не гарантирован; иногда рассказ срабатывает, а иногда умирает на странице, как слишком длинный анекдот без развязки; а почему — не знаю. Но я люблю рассказы. Мне нравятся их возможности, разнообразие, вызов. Я пишу их, или пытаюсь писать, уже десять лет. Они впервые выходят в виде сборника.

Вера и Надежда идут по магазинам

Четыре года назад моя бабушка поселилась в доме престарелых в Барнсли. Пока она не умерла, я часто туда ездила и почерпнула из этих визитов немало рассказов. Вот один из них.

Сегодня понедельник — значит, опять рисовый пудинг. И не то чтобы они, то есть сотрудники дома престарелых «Поляна», так уж заботились о наших зубах, просто у них плохо с воображением. Я на днях так и сказала Клэр: есть же куча всяких блюд, которые не нужно жевать. Устрицы. Фуа-гра. Салат из авокадо. Клубника со сливками. Ванильное крем-брюле с мускатным орехом. Тогда почему мы видим только пресные пудинги и переваренное мясо? Клэр — хмурая блондинка, вечно жующая жвачку, — посмотрела на меня как на сумасшедшую. Они утверждают, что от изысканных блюд бывает несварение желудка. Не дай бог, наши последние вкусовые рецепторы получают избыток впечатлений. Я увидела, как Надежда ухмыляется, отправляя в рот последнюю ложку рыбного пирога, и поняла, что она все слышала. Надежда слепа, но не позволяет себе распускаться.

Вера и Надежда. Можно подумать, мы сестры. Келли — это та, у которой контур губ всегда слишком яркий, — думает, что мы чудачки. Крис иногда поет за уборкой: «Вера, Надежда, Любовь!..» По-моему, он лучший из них. Бодрый, непочтительный, ему вечно влетает за то, что он с нами разговаривает. Он носит футболки в обтяжку и серьгу в одном ухе. Я говорю ему, что нам только любви не хватало, и он смеется. Он зовет нас Хиндж и Брэкет¹ или Буч и Сандэнс².

Я не говорю, что тут плохо. Тут просто слишком *обыденно*, не комфортной обыденностью дома, где даже грязь и хлам свои, родные, — но обыденностью приемного покоя, больницы, пастельно-хлороочный интерьер, пахнувший освежителем воздуха с небольшой примесью подкладного судна. Как правило, нас навещают редко. Я из везунчиков: мой сын Том заходит раз в две недели, приносит журналы, букет хризантем — последний раз были желтые — и новости, но только те, что, по его мнению, меня не расстроят. Правда, он невеликий мастер светских бесед. «Ну что, мам, как ты тут вообще?» и пара замечаний насчет сада — на большее он не способен, но намерения у него добрые. Что же до Надежды, то она здесь уже пять лет — даже дольше меня, — и ее еще ни разу никто не навестил. На прошлое Рождество я вручила ей коробку конфет и сказала, что это от ее дочери, живущей в Калифорнии. Она улыбнулась типичной для нее саркастической улыбкой.

¹ Эстрадный номер двух британских комиков, Джорджа Логана и Патрика Файфа, выступавших в образах пожилых интеллигентных дам: доктора Эвадны Хиндж и леди Хильды Брэкет.

² Буч Кэссиди и Сандэнс Кид — два известных американских бандита, герои американского кинофильма «Буч Кэссиди и Сандэнс Кид», снятого в 1969 году.

— Дорогая, если это от Присциллы, то ты — Джинджер Роджерс¹, — сказала она, поджав губы.

Я засмеялась. Я уже двадцать лет передвигаюсь в инвалидном кресле, а танцевала последний раз, когда мужчины еще носили шляпы.

Но мы справляемся. Надежда толкает мое кресло; я говорю, куда толкать. Правда, ей не нужен поводырь: она может передвигаться по всему зданию, ориентируясь по пандусам. Но медсестры любят, когда мы проявляем находчивость. Это соответствует их идеологии: разумная экономия. И конечно, я ей читаю. Надежда обожает книги. Вообще, это она первая сподвигла меня на чтение. Мы прочитали «Грозовой перевал», «Гордость и предубеждение», «Доктора Живаго». Здесь мало книг, но раз в четыре недели приезжает передвижная библиотека, и мы посылаем Люси взять нам что-нибудь интересное. Люси — студентка колледжа, практикантка, так что выбирает со знанием дела. Правда, она отказалась принести нам «Лолиту» и тем привела Надежду в ярость. Люси сочла эту книгу неподобающей.

— Один из величайших писателей двадцатого века, а вы записали его в «неподобающие»!

Надежда когда-то преподавала в Кембридже, и у нее в голосе до сих пор иногда слышится повелительный металл. Но я видела, что Люси не слушает. У них, даже у тех, кто поумнее, бывает такое выражение на лице, улыбочка детсадовской воспитательницы: «Мне-то лучше знать. Мне виднее, потому что ты старуха». Все тот же рисовый пудинг, говорит Надежда. Рисовый пудинг для души.

¹ Джинджер Роджерс (1911–1995) — знаменитая американская актриса, певица и танцовщица, выступавшая в паре с Фредом Астером.

Надежда помогла мне полюбить книги, а я, в свою очередь, приохотила ее к журналам. Журналы — моя страсть уже много лет: гламурная мода, светская хроника, ресторанные обзоры и рецензии на новые фильмы. Я начала с рецензий на книги, хитро усыпила бдительность Надежды, читая ей то какую-нибудь статью, то заметку о моде. Оказалось, у меня талант на словесные описания, и теперь мы вдвоем блаженно теряемся в глянцевах эфемерных просторах, стеная над бриллиантами от Картье, губной помадой от Шанель, роскошными невозможными одеяниями. Вообще, странно. Когда я была молодая, меня эти вещи совершенно не интересовали. Я думаю, Надежда одевалась элегантнее меня, всякие там балы в колледже, вечеринки преподавателей, летние пикники на Задворках¹. Сейчас, конечно, мы одеваемся одинаково. Гламур а-ля дом престарелых. Здесь почти все общее: многие не помнят своих вещей, поэтому воровство процветает. Я ношу свои лучшие вещи с собой, в багажной сетке под днищем инвалидного кресла. Деньги и драгоценности, которые у меня еще остались, спрятаны в подушке сиденья.

Предполагается, что денег у нас нет. Здесь их не на что тратить, а на улицу нас без сопровождения не выпускают. На двери кодовый замок, и кое-кто пытается выскользнуть вместе с уходящими посетителями. Миссис Макаллистер — ей девяносто два, она бодрa и совершенно безумна — все время убегает. Она думает, что идет домой.

¹ Задворки (The Backs) — район Кембриджа, луга вдоль реки Кем, где территория нескольких колледжей захватывает оба берега, при этом на реку выходят противоположные фасады части территории колледжей (отсюда название).

Кажется, все началось с туфель. Глянцевых, лакированных, красных, как яблочные леденцы, с бесконечными каблуками. Я нашла их фотографию в одном журнале и вырезала. Время от времени, когда никого не было рядом, я доставала картинку и смотрела. У меня кружилась голова, и я чувствовала себя немного глупо — непонятно почему. Можно подумать, это была фотография мужчины или чего-нибудь такого. А это всего лишь обувь. Мы с Надеждой носим одинаковые туфли: неуклюжие, без шнурков, из кожзаменителя цвета овсянки, бесспорно и чрезвычайно «подобающие». Но втайне стонем над шестидюймовыми прозрачными каблуками от Маноло Бланика, над ярко-малиновыми замшевыми мялями от Джини или расписанными вручную шелковыми туфлями от Джимми Чу. Конечно, это абсурд. Но я захотела эти туфли с такой силой, что самой страшно. Хотела хоть разок ступить в глянцевую, ликующую журнальную страницу. Попробовать рецепты; посмотреть фильмы; прочитать книги. Все это воплотила в себе пара туфель: жизнерадостный, беззастенчивый красный цвет, откровенно невозможные каблуки. В этих туфлях можно делать что угодно: вальяжно раскинуться в кресле, возлежать, красться, гордо вышагивать, летать, — но только не ходить.

Я держала вырезку в сумочке, иногда вынимая и разворачивая, словно карту места, где спрятан клад. Надежда вскоре поняла, что я что-то скрываю.

— Это глупо, я знаю, — сказала я. — Может, я съезжаю с катушек. Наверное, я в конце концов стану как миссис Баннерджи: буду носить десять плащей разом и воровать чужое нижнее белье.

Надежда засмеялась.

— Нет, Вера, вряд ли. Я тебя очень понимаю. — Она пошарила рукой по столу, нащупывая свою чашку с чаем. Я знала, что помогать ей нельзя. — Ты жаждешь чего-нибудь неподобающего. Я хочу «Лолиту». Ты — пару красных туфель. То и другое совершенно неподобающе для таких, как мы.

Она склонилась ко мне и понизила голос:

— Там адрес есть?

Адрес был. Я ей об этом сказала. В Найтсбридже¹. С тем же успехом мог быть в Австралии.

— Эй! Буч и Сандэнс! — Это жизнерадостный Крис пришел мыть окна. — Ограбление замышляете?

Надежда улыбнулась.

— Нет, Кристофер, — лукаво сказала она. — Побег.

Мы все спланировали с хитростью и скрытностью военнопленных. У нас было громадное преимущество — внезапность. Мы не были склонны к побегу, как миссис Макаллистер, нам доверяли, как приятно вменяемым и надежно нетранспортабельным. Я предложила применить отвлекающий маневр. Как-то убрать дежурную сестру от конторки, оставив входную дверь без наблюдения. Надежда стала околачиваться у двери, слушая звук нажимаемых кнопок, пока не обрела почти полную уверенность, что может воспроизвести комбинацию. Мы все рассчитали с точностью опытных стратегов. В пятницу утром, без девяти девять, я взяла в гостиную окурок мистера Бэннермана и спрятала у себя в комнате, в металлической мусорной урне, полной бумаги. Без восьми мы с Надеждой уже были в вестибюле и направлялись в комнату для завтрака. Через десять секунд, как я и ожидала, сработала пожарная сигнализация. Из

¹ Фешенебельный район Лондона с дорогими магазинами.

нашего коридора донеслись крики миссис Макаллистер: «Пожар! Пожар!»

Дежурила Келли. Смышленная Люси не забыла бы запереть дверь. Тупая Клэр могла вообще не уйти с поста. Но Келли схватила со стены ближайший огнетушитель и помчалась на шум. Надежда подтолкнула меня к двери и стала нащупывать панель управления. Без семи девять.

— Скорей! Она сейчас вернется!

— Чш-ш. — («Пи-пи-пи-пи») — Отлично. Все-таки не зря меня в детстве гоняли на уроки музыки.

Дверь открылась. Мы с хрустом выкатились на освещенный солнцем гравий.

Вот тут Надежде уже нужна моя помощь. Это реальный мир, тут пандусов нет. Я старалась не пялиться, как замороженная, на небо, на деревья. Том уже полгода не вывозил меня наружу.

— Прямо вперед. Налево. Стоп. Впереди рытвина. Осторожно. Опять налево.

Я помнила, что автобусная остановка сразу у ворот. Автобусы ходят как часы. Каждый час — в двадцать пять минут и без пяти. Из гостиной всегда слышно, как они гудят и скрипят, словно капризные пенсионеры. Секунду я в ужасе думала, что остановки больше нет. На ее месте велись дорожные работы, край тротуара был отгорожен тумбами. Потом увидела в пятидесяти метрах от себя на невысоком металлическом столбике знак временной автобусной остановки. На гребне холма показался одышливый автобус.

— Быстро! Полный вперед!

Надежда отреагировала мгновенно. Ноги у нее длинные и все еще мускулистые; в детстве она занималась балетом. Я наклонилась вперед, сжимая сумочку, и под-